

Михаил Сопин

ИГРА В ПУСТОЙ ЗАЛ

С т и х и

Вологда
2005

«ОЧЕЛОВЕЧЬ НЕМУЮ ТОЛЩУ СТЕН...»

Он всю жизнь играл в безлюдный зал. С тех пор, как еще в заключении Михаил Сопин написал:

*Все, что было моим - не мое...
Сердце тянет к теплу, словно птицу.
Память крыльями в проруби бьет
И не может за край уцепиться... –*

и до последнего:

*И даже в наступающем столетии
Не поняли меня и не за заметили... –*

менялись только декорации. Глухое безвременье «застоя», перестройка с ее внезапным, казалось бы светом и опалаяющими (как всегда, обманчивыми!) надеждами, вползание (или сползание?) в нечто еще более вязкое и безнадежно-тягучее... Поэт все так же «бился в проруби», стараясь очеловечить немую толщину стен. А зал его не слышал. И не то, что зал был пустой, о нет! - но зрители и поэт смотрели в разные стороны. «Диалог немых» - есть такое стихотворение. «Глухари».

Но есть нечто более важное, чем взаимоотношения толпы и поэта. Мы почти все, всегда - если имеем собственную позицию - играем в безлюдный зал. Если личность достаточно крупная, ее понимают «потом». Маленький человек уходит в немость незаметно. Но одинаково тяжело всем. Именно потому стихи этого цикла обращены ко всем.

Стихи относятся к концу 80-х - началу 90-х годов.

Татьяна Сопина.

*Лежит проклятие на нас
за путь, оболганный другими.*

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Вздогнут ели,
Каторжные пальмы,
Откочуют за хребты снега.
Чистый социально,
Не опальный
Возвращаюсь
К пашням и стогам...
Годы - плавни.
Разведу руками -
Ни друзей духовных,
Ни врагов.
Плоский камень,
Застекленный камень,
Камень глаз,
Улыбок, берегов.
Изобилье лозунгов и клубов,
Взгляды мыши,
Мощности машин -
Искажат лицо
Улыбкой глупой,
Ледяной не растопив души.

ПО ДЖУНГЛЯМ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Из дебрей эпохи,
По джунглям железного века
Тревожную правду,
Ребята, пронес я свою.
Привет тебе, молодость,
Жажущий дух человека,
Еще не нашедший себя
Ни в любви, ни в бою.
На сердце ожоги -

За то, что на серость плевал я.
 Не ждите подачек, поблажек,
 Страшитесь тенет.
 До стылости смертной
 Обрыдла игра нулевая.
 Ничейного счета
 У жизни стремительной нет.
 Я с теми, кто рвется,
 Дышать по-другому не может.
 Цветут подпевалы
 Махрово у всех на виду.
 Я слышу их речи
 И взгляды их чувствую кожей:
 «Не пусто ль на крохах
 На наших в калашном ряду?»
 Лукавое племя,
 Каленым,
 Железом не выжжен.
 Плюю, как и прежде,
 Но только бескровно, смеясь.
 И сердцем, увеченном вами,
 К стране еще ближе:
 Избитые, гнутые,
 Все мы ее сыновья.
 Нам в десять шаманили,
 В тридцать:
 «Надейтесь, однажды...»
 Однажды - не будет.
 Мы мчимся, подобно лучу.
 Столетье мое,
 Не лишай меня мужества жажды:
 Дожить, дострадать,
 Догореть
 Без остатка хочу.

ТЕБЕ, ОТЧИЗНА

Тебе, Отчизна,
 Жгу свою свечу,
 Тепла тебе желая, жить хочу.
 Любимые, мы рождены в разброде.
 Вглядимся в нас,
 В дорог недавних шлак:
 Не может быть
 Поэзии в природе,
 Которая бы лаской в непогодье
 Отвергнутых и клятых обошла.

* * *

Любовь моя, навеки неоплатная,
 Все круче ночи,
 Меньше наши дни.
 Прости меня,
 Что я с толпой бушлатною
 Прошел, свои растапывая дни.
 Потянет ли по насту
 Вьюга острая,
 Прошу тебя,
 О юности молчи!
 Года мои
 Над дальним полуостровом
 С подлета полегли,
 Как косачи.
 Искожено-истоптано пешочком.
 Не становись,
 Ой горе - не беда -
 Вдоль бережочков тех,
 Вдоль бережочков
 Печорская по суснежью вода.
 Шарахнет ли от выстрела в туманише,
 По ягелю скользнет багровый дождь...
 Сюда не доглядишь и не дотянешься.
 Отсюда никого не отзовешь.

В ПОЛЕ НАДЕЖД И РАСКАЯНИЙ

Годы мои, что вы помните?
 Ветры. В дымах ковыли.
 Снег беспризорный по комнате.
 Мир поднадзорный вдали.
 Старые вьюги растаяли?
 В наших ли пашнях грачи?
 В поле надежд и раскаяний
 Братьев ишу я в ночи.
 «Стылые дети России, -
 Так нам шумели снега, -
 Не присягайте мессии,
 Черным его сапогам.
 Станете в жизни большими -
 Помните вечный завет:
 Родина непогрешима.
 В ивах ее и крушинах
 С деспотом общего нет.
 Вы не гонимы народом.
 Просто за дальней чертой

Нежности в сердце урода
 Не заподозрит никто...
 Временна заморочь века,
 Праведность - наоборот:
 Вольные - с психикой зеков,
 Зеки - свободный народ.
 Нежность - Господня отметина.
 Помните в трудный свой час:
 Много нас, много на свете нас,
 Тех, кто умрет - не предаст».

СОЧИНЕННАЯ ЖИЗНЬ

И апрельские ливни -
 Не в нас,
 И февральские ветры.
 Что же наше вокруг?
 Или все неизменно, как встарь:
 Коллективно - идут,
 В одиночку - находят ответы.
 Не гасил я свечей,
 Свой на миг покидая алтарь.
 Рука об руку, рядышком -
 Наши с тобой рубежи ли?
 Разве может так быть,
 Нас курочило -
 Только держись!
 Я согласен с тобой:
 Не свою,
 Не свою мы прожили,
 А чужую,
 Для всех и для нас сочиненную жизнь.

МОЯ РОДНЯ

Слышу - охнули вешние льдины.
 Но ко мне через множество дамб
 Дохлестнет ли
 Хоть каплей единой,
 Хоть росинкой
 Живая вода?
 Захлебнуться
 За всех бы - за всех бы,
 Кто ходил под штыком и в штыки,
 Чтоб пропеть о вас
 Позднему небу,
 Пока губы не рвут мундштуки.
 Кто под траки пошел -
 Кто под пули.

Как же,
 Как же, братики, так...
 Не доплакали, не дотянули.
 Жизнь,
 И жизнью не став,
 Прожита.
 Что ж...
 И тех,
 Кто прожил «по морали»,
 По закону текущего дня -
 Всех при помощи всех обокрали.
 Все мы,
 Все
 В этом смысле - родня.

* * *

Мне лишь зрачки ожег
 Салют Победы.
 В каком с тех пор я не шагал строю...
 Влачу свои оковы, путы, беды,
 Еще из полумертвых восстаю.
 И некогда готовиться к атаке.
 Но вы, родные,
 За меня решив,
 Убеждены:
 На жизнь или под танки
 Пойду во имя
 Торжества души.
 И сам я знаю,
 Так это и будет:
 За гололедь любви,
 Свободу, за...
 Почувствую спиною -
 Смотрят люди!
 Вперед, братишка.
 Нет пути назад.

* * *

Отечество,
 История моя,
 Что должен я ответить сыновьям?
 Что стон тех лет из-за двойных дверей
 Кино, мираж?
 Иль сон мне дикий снится:
 Допросы, изувеченные лица,
 Этапы, произволы лагерей?
 В машинах -
 Призрак черного гонца,

Портрет убийцы моего отца.
 Он - победитель. Помнят сорок пятый.
 И те, до сорок первого,
 Где вмяты
 Свобода, честь в железную траву?
 Не в проклятость уходим мы, сыны,
 И вам, сатрапам, не отмыть вины.
 Ошеломляющая память лет
 Была и есть.
 И ей забвенья нет.
 Она гнездится немотой в народе.
 Я думу неизбывную несу:
 Ужель присуши
 Всей живой природе
 Смиренный вид
 И дьявольская суть?

ПОДОРОЖНАЯ СВОБОДЫ

Ухнет филин над чуткою рожью -
 Храп по избам, не перекричи.
 Мне свобода дает подорожную,
 Свистнув резко и дерзко в ночи.
 И лечу я сквозь стылые мили,
 Сердцем чувствуя смертную дрожь.
 Где-то там
 Самосудчики выли,
 Пащанву добывая за грош.
 На Крещатике иль у Посада -
 Вот они.
 Стой, бывшее, замри.
 Благолепостью прет от фасада.
 Ядовитостью жрет изнутри.
 Это те, что «за всех» голосуя,
 Верноподдано стелются: «За!»
 Это те,
 Что признательны всеу
 Но безбожно клянут
 За глаза.
 И опять меня
 Жизнь несуразная
 По рассветному мчит кумачу.
 Рядом с нечистью,
 Чванной и праздною,
 Жить,
 Дышать,
 Умирать не хочу.

ДИАЛОГ НЕМЫХ

По околице - дождь.
А по сердцу - туман.
Век и я. Диалог двух немых.
Сколько ж нас на земле,
Вот таких пап и мам -
То ли жизнь мимо нас,
То ли мы.
Наше детство прошло
Под свистки сторожей,
По годам обложной тишины.
И с пеленок уже
Наши дети в душе
Нами
Чести земной лишены.
И в дому глухота,
И за ним - глухота.
И несет нас безволие, несет.
Научились по мелочи
В жизни хватать.
Растеряли по крупному -
Все.

* * *

... Для них, не знаемых, для них,
Чьи души стынут в непогоды,
Сожглись осмысленные дни,
Дымят бессмысленные годы.
Все, что имею, что могу -
Для них.
А мне в упор:
«О чем ты?
Скажи о росах на снегу,
Сводящих тихо с жизнью счеты».

МИРАЖИ

Я вижу свет,
Бегу, но нет огня.
Я слышу зов,
Спешу - но нет меня.
За годом - год,
Как будто как-то жил.
За целью - цель.
Хватаюсь - миражи,
Не выплаканных слез,
Немых улыбок

В дали былой не тающая глыба.
 В дали былой,
 В такой былой дали,
 Что сердце, что-то вспомнив, не болит.
 Дворцы-гиганты - не пигмеев шарж?
 Крутой настой паркета или страха?
 Ах, молодость,
 Ищи себя без страха.
 В свободу не войти,
 Как в трюмы барж.
 Домой - поспешно.
 Из дому - спеша,
 С неверием газетным заголовкам.
 И так марионеточно, неловко
 Под скрытой болью
 Корчится душа.
 Прожито - тьма.
 Осмысленного - ноль.
 Два слова знали мы:
 «Нельзя и надо!»
 Так трудно врозь вставать
 Не оттого ль,
 Что по приказу
 Мы учились падать?

* * *

Воспевают былое
 Деревень и вечорок,
 Обходя произвол.
 Жизнь моя, поддержи,
 Открываю глаза,
 А над трассой Печоры -
 Боковые снега
 И костров миражи.
 Неужели ты,
 Совесть моя, постарела,
 Неужели оглохла ты,
 Память моя -
 Предаешь тех, кто шел
 По буранным расстрелам,
 Чью тоску принимала,
 Вздохнув, полынья?
 Там сходили с ума
 И зверюги, и птицы,
 А заезжим певцом
 Пафос будней воспет.
 Я стекло продышу -
 Искаженные лица,

Искаженные дали,
 Искажающий свет.
 Кто вернется назад,
 Позабудет не скоро
 Воды горьких озер,
 Хрипы гиблых болот...
 Где уже никогда
 Над загубленным бором
 Не пропеть глухарям,
 Перестрелянным влет.

ДВА ОБЕССИЛЕННЫХ КРЫЛА

Год сорок первый. Той России
 Обязан жизнью я сейчас:
 Продли, продли мне, память, силы,
 Хочу сказать, что с нами было,
 Что души наши жгло и било,
 Пока не пробил крайний час.
 Года гоненья отсчитал,
 Не изменив ни в чем недоле:
 Не съела душу нищета,
 Не сделала рабом неволя.
 Край мой родимый, то не сны.
 Мой рвется голос к небосводу:
 Груз жертвенности и войны
 Мы вынесли, твои сыны,
 Опустошаясь от вины,
 Жестокости и несвободы.
 Мать состраданье мне дала.
 Отец - идейную опору.
 Но та опора
 В злую пору -
 Два обессиленных крыла.
 А вместо тысячи дорожек -
 Хлеба ночлежек и острожек.
 Жизнь
 Мимо жизни провела.
 Отчизна, Родина моя,
 Немилосердно гнев велик твой.
 За всех, загинувших в боях
 И в отдаленнейших краях -
 За всех прими мою молитву.

ЭРОЗИЯ ЭПОХИ

Хмарь.
 Листопад столетья
 В серой раме.
 Ни прежних распрей с массаами,
 Ни уз.
 И мысленно в самом себе,
 Как в храме,
 О пастве и о пастырях молюсь.
 Эрозия эпохи.
 Рощи ржавы,
 Дома,
 Но мне их голоса слышны -
 Поэту разложившейся державы,
 Жильцу не существующей страны.

ТАБУ

Не время для блаженства.
 Не пора.
 В краю больных и коммивояжеров
 Так не хватает
 Умного добра!
 Больная доброта -
 На шее жернов.
 На здравый смысл
 Повесили табу!
 В который раз,
 Творя святое дело,
 Мы поджигаем отчую избу,
 Чтоб избежать семейного раздела.
 Увечная
 Победная беда,
 Пир нищеты,
 Величие в убогом!
 Я должен жить сейчас,
 Как никогда:
 В ладу с душой и мыслью,
 В сердце с Богом.

ГЛУХАРИ

Давай, дружок,
 Давай поговорим
 Без пьяных слов,
 Без ложного запала,
 Забыв все риски,

Страхи и опалы,
 Как в роще заповедной глухари.
 Дай обниму тебя,
 Все знаю сам:
 Не говори!
 Послушай звон колосьев...
 Нам мамы с детства
 Дали голоса,
 Но только жизнь
 Учила подголосью.
 Везде подтекст -
 Что книжки, что печать.
 Но каждый сердцем знает,
 В чем причина!
 Мы научились мастерски молчать:
 Так невозможно,
 Так красноречиво.

* * *

Нищенски. Шарадно. Кособоко
 В хмари давней топчутся года.
 Исповедь по осени глубокой
 Слушает спокойная вода.

* * *

Очеловечь немую толщу стен,
 Двадцатый век,
 Яви такую милость.
 Пускай расскажут,
 Как мы появились -
 Изгой,
 «Пережитки» всех мастей!
 Судимым, битым,
 Недочеловекам
 Нам даже мертвым искажают счет.
 Я рад, что стал смиренным к краю века.
 Молчи, душа.
 Река судьбы течет.
 А где-то над болотами, лесами
 Кочуют стаи...
 Голосов - не счесть.
 Мы столькое и столькох уж списали,
 Что позабыли,
 Где мы, кто мы есть.
 Нет жалости к себе.
 И нет обиды
 На доброхотов,
 Что без лишних строф

В рабочий день
 «По ходу дел» нас спишут
 В счет великозапойных катастроф.

ТРЕТИЙ

Я родился
 Среди слез и рос.
 И с рождения нет мне покоя.
 И, видать, в шестьдесят не дорос -
 Не пойму, что за царство такое:
 Войны. Тюрьмы.
 Пайков лебеда.
 На бескрайних российских просторах
 Две души соберутся - беда.
 Три,
 Хоть ангелом будь,
 Третий - враг.
 Здесь я - третий.
 Несу благодать,
 Вскинув в небо пробитые длани.
 И права - женский век заедать
 Да сынов отдавать на закланье.
 Было так.
 И не станет новей.
 Процветают холуй и меняла.
 Чутких, умных своих сыновей
 Ты, Россия, всегда загоняла.
 Вот и правит убогая знать:
 Вровень с храмом - тюремная вышка.
 Для того, чтобы глупость признать,
 Ни желанья нет, ни умишка.
 1991 г.

МОЛЧАНИЕМ УБИТ

Дорогой дальнею знакомой -
 У Черной речки,
 У Днепра...
 Все меньше в отчет доме - дома.
 Все меньше в дружеском - добра.
 Что значит,
 Сбыться иль не сбыться?
 Пройдешь - вослед:
 «Что ищет он?»
 В краю далеком - лица, лица.
 В родном краю - пласты имен.
 Меж Машуком
 И Черной речкой

И нрав теперь иной,
И быт:
Не пулею,
Не злобной речью,
Я был
Молчанием убит.

НЕ УЗНАННЫЕ

За черногорьями, за черноречьями
Смешались в снах
Каштаны, клены, ель.
Вернемся ль мы,
Не узанные встречными,
В огромный мир
По узкой колее?
Мы этот путь
Прошли пред добровольцами. *)
Они пройдут,
Зигзаги лет спрямив...
И катится распаянными кольцами
Луна
В пятнадцать отраженных ив. **)

*) - считалось, что великие стройки коммунизма возводили добровольцы - но первыми там были заключенные

**) - 15 лет заключения поэта

ПОЛЕ ПОЛЫНИ

(Вариант)

Как тяжело открытье:
Так в жизни легко истрепаться!
В чем каяться, братцы?
Кто скажет: «Прощен. Не шалей»?
Дорога, дорога...
Ни звезд, ни луны, ни препятствий.
Погосты - направо.
Налево - кресты тополей.
Мистическим счастьем вчерашним
Заглушит-нахлынет.
Чтоб стон не сорвался,
Завоет душа-запоет:
Мне нет оправданий.
Засеял я поле полынью,
Горчайшей полынью
Засеял я поле свое.
Покорно так падал:
Ни злобным не стал я, ни гордым.
Врагов навязали,

Друзей предложили - терпел.
 Остался один.
 В белый свет
 С перекошенной мордой
 Гляжу, улыбаясь
 Протоптанной глупо тропе.
 Так многому в жизни,
 Тропинка моя, мы не рады.
 Но было так, было!
 Нельзя ничего отрицать:
 В любви и в измене,
 И в вере, и в кривде, и в правде,
 И в глупости нашей
 Прошли мы свой путь
 До конца.

* * *

Приглядимся к сегодня,
 Размыслим: чего нам не надо?
 Почему нам так люб
 Славословий кисельный поток?
 И откуда вот эти
 Цветущие глупостью взгляды,
 И бурлящие страсти -
 Так бьет электрический ток?
 Ты - мою,
 Я - твою
 Ощущаем нескладность до стыни.
 Ну а дети,
 Они что поймут о злокознях, о нас?
 Мы уж плачем цитатами,
 А не слезами простыми.
 От бессонницы ночью
 В дневных забываемся снах.
 Ищем в глупости таинство,
 Чем поглупее - тем лучше.
 И своим отраженьям зеркальным
 Грозим невзначай.
 О грядущем гадаем
 На ту же кофейную гущу.
 Подаем, не жалея,
 Берем, не бледнея -
 «На чай».
 Говорят, гениальные мысли
 Рождают преграда.
 Мы преграды и мысли
 Теперь обойдем на пути.
 Лучше сладкая мистика,

Нежели горькая правда,
 За которую надо
 По мере по высшей платить.
 Мы себя уценили,
 Считая, что лучшим - награды,
 Что лишь чистым и честным,
 И мудрым даются посты.
 И забыли себя,
 Примиряясь с ничтожеством рядом,
 И поверили смертным,
 Как верили прежде святым.
 (Конец 80-х)

МОЯ СВОБОДА

Когда вождельюбивые народы
 Мена освободили от Свободы,
 Тогда по воле Бога
 В скорбный час
 Себя от пресмыкающихся масс
 Освободил я до конца пути,
 Чтоб вместе
 Не дышать и не идти.

ИГРА В БЕЗЛЮДНЫЙ ЗАЛ

Вокруг - покоя непокой.
 Луна - муляж-калач.
 Наяривает за рекой
 Гармонь, со смеха в плач.
 Зачем я здесь в ночи стою
 У краешка села?
 В аду прожил или в раю
 Жизнь сочиненную свою?
 Какой она была?
 Я умолял любить меня,
 Но сам любви не знал.
 Она - светильник без огня.
 Игра в безлюдный зал.
 Пропойцей слыл среди менял,
 Свободным средь рабья,
 Содрал личину,
 Маску снял
 И не нашел себя.
 Распался, как больной Союз -
 Ни ложных уз, ни грез,
 И над самим собой смеюсь
 В седую прядь волос.

Ничтожество и господин!
 Без домика дымок.
 Возможно, я такой один.
 Дай Господи.
 Дай Бог.

* * *

Бурлит городское болото.
 Во взглядах -
 Готовность к броску.
 И вновь за себя и кого-то
 Двойную влачу я тоску:
 За сгубленный хлеб
 На овине,
 За пагубу глаз из засад...
 Опять говорю я:
 «Повинен»,
 Как многие годы назад.
 Дождинки?
 Улыбок ужимки?
 Стенанья незрячих кутят?
 Снежинки?
 Иль «ЯКи»-маньки
 На бомбометанье летят?
 Жизнь катится каплями воска,
 Дымя фитильком на краю.
 И некто бранит меня жестко
 За вечную
 Слабость мою.

БЕЛЫЙ ЯГЕЛЬ

..Все бегу я,
 Бегу наудачу
 В белый свет,
 На подмогу спеша.
 Все мне слышится -
 Иволгой плачет
 Уцененная хамством душа.
 И еще не касаясь бумаги,
 Бьет под дых
 Мое прошлое
 Стих.
 Белый ягель,
 Снегов белый ягель
 Под босыми ногами хрустит.
 Нет, наверно, таких каталажек,
 Где б с надеждой синюшной вдвоем,

Не прося у столетья побряжек,
 Не искали б мы счастье свое.
 Что оно?
 С чем сравнить мое счастье?
 Хорошо,
 Коль не рвут удила.
 Счастлив был,
 Когда били не часто,
 Когда пайка с довеском была,
 Что не едко темнело-дымило
 Хвоей тлеющей
 В мертвый покой...
 Что, наверное,
 Родине милой
 Был я нужен
 Такой и сякой.

В КРАЮ НЕУПРАВЛЯЕМЫХ ПРЕЛЮДИЙ
 (Девятое декабря)

Зашторь окно, мой друг.
 Не жги огня.
 Ни холуйни не надо мне,
 Ни чина.
 Есть только жалость
 В сердце у меня
 К стране,
 Запуганной неизлечимо.
 Здесь лживы звуки:
 Друг, товарищ, брат.
 И радости без слез
 Не знают люди
 В краю неуправляемых прелюдий,
 Бесчисленных,
 Бессмысленных утрат.

* * *

Декабрьски. Полустыло. Полутало.
 Ни нового, ни прошлого. Эх-ма!
 Держава
 От политики
 Ус-та-ла...
 Без погонял,
 Без плана,
 Без ярма.

* * *

Все нищ и голоден. А стих -
 Кровоточащая каверна.
 Добьют друзья меня, наверно,
 Руками недругов моих
 За личное непостоянство,
 А может быть, за мой дебют:
 По-просоветски,
 По-крестьянски,
 По-русски,
 Как у нас лишь бьют.

ФЕДЕРАЦИИ ГРИМ

Состязались в стяжательстве,
 Брата подсиживал брат.
 Нам слышна наша совесть -
 Как муромский трактор в Гаване.
 Поделом, что не верят.
 Не мы ли на сходках вчера
 Человечьим достоинством
 Оптом и врозь торговали?
 Как проказа тела -
 Разъедает умы чистоган.
 Не от наших ли благ,
 Отравясь спидо-раковым раем,
 От подобия жизни
 Бежала ты, юность, в Афган,
 Чтоб душевно не сгнить,
 От хватательных спазм умирая?
 Чтобы ветром свинцовым
 Срубило родительский груз,
 Чтоб помочь пробудиться
 Сомнамбулам - папе и маме!
 Дом ребенка - приют.
 Дом невежества дикого - ВУЗ.
 Ты куда, человечество, мчишься,
 Смеясь дурдомами?
 Дом халтуры, кино,
 Сочетаний, свиданий, разлук...
 Я кричу в белый свет:
 «На поруки меня заберите!»
 Но ударясь о массы,
 Банкнотный летит ко мне звук:
 «Защищайся - как все!
 Будь как все,
 Века висельный зритель».
 Желто-сине-багряный

Федерации грим на лице.
 Застилает глаза
 Индустрийным мне смогом-туманом...
 «Рубль - строка» за полвека труда.
 Так решил Госкомцен.
 Золотая цена
 Песнепевцам страны безымянным.
 Кто сломался, кто спился...
 Перед тем, как душой надорвусь,
 Перед смертью хотя б,
 Распахни мне, Отечество, двери
 В Дом Свободы,
 В Дом Правды,
 Раскрой,
 Я прошу тебя, Русь!
 Мне бы только взглянуть...
 Тяжело умирать,
 Не поверив.

ГАСИТ СВЕТ ТРУДОВАЯ ОКРУГА

Гасит свет трудовая округа.
 У окошка - служивый народ.
 Под декабрьские звонкие вьюги
 Сумасшедший частушки поет:
 «Ой Москва моя, Москва -
 Леденистая тоска!
 Каменную белую
 Я из пайки сделаю...
 Всекогодные стылые горы!
 Форма фронта. И роба вины.
 Цвет грядущего:
 Мальчики - воры,
 А девчоночки - шлюхи страны...
 Кто в уме - все в тюрьме.
 Только ноздри не рвут,
 Как Хлопуше.
 А за стенкой тюрьмы -
 Наизнанку умы!
 Упокой ты их, Господи, души...»
 Вечеру,
 Белый снег проникая,
 Смотрят в небо
 Две бездны глазниц -
 Сын «врага»
 Или брат полиция
 Кормит пайкой
 Метели, как птиц?

СХОДКА

На повестке дня вопрос:
 «Суть близка нам,
 Что-то много развелось
 Критиканов!
 Укорот - на аппетит.
 К черту - водка,
 Ежли обчество велит,
 Наша сходка.
 Скажем, речь о колбасе,
 Стуже в хате...
 Хошь, не хошь - понятно всем:
 Злопахатель!
 На дотации колхоз,
 Нет дороги,
 Никаких игривых поз -
 В демагоги.
 Ну а если нечем крыть,
 Речью истов,
 Зачисляй - утратит прыть! -
 В экстремисты.
 Плюрализм - понять пора.
 Наш девиз:
 «Фиск-культ-ур-ра!
 Инструктаж блюсти!»
 Отбой. Росы сели.
 Собрались горбы гурьбой -
 На веселье!
 Тьма - немых. Один в чести.
 Все чин чином,
 Чтоб итоги подвести
 Дармовщины.
 «Ну, - раздался в тишине
 Рокот властный, -
 Раз вопросов нет ко мне,
 Все согласны!
 Заручимся корешми,
 Цель не скрою, -
 Чтоб в наставники прошли
 И в герои.
 Мы не листья на ветру -
 Когда в смутце
 Один правит, а вокруг
 Все трясутся.
 Было все. А нынче где
 Это лихо?

Нынче все как у людей:
 Шумно-тихо.
 Кочегарь огонь борьбы!
 Больше света!
 Мы не ра...
 То есть, не бы...
 Вобщем, это!
 Хочешь губы красить - крась.
 Можешь стричься,
 За забором прятать грязь,
 В ней же мыться
 До дремотности, покуль
 На сей случай
 В шумных крантиках буль-буль
 Не отключат.
 Отмолились мшелым пням.
 Откулачили.
 Пусть дивится Европня-
 Азиатчина,
 Что и мы по части лбов
 Не тупели
 В плане выжима рабов
 По капели...
 Вобщем, надо быть добрей
 К нашим массам
 И не путать лагерей,
 Маркса с Марсом.
 Глас народа - божий глас,
 Кляп вам в горло,
 Чтоб Европою от нас
 Ну так и перло!»

КАК ДО НЕБА - ДО КРЕМЛЯ

Храмы. Тюрьмы. Избы. Дачи.
 Призрак? Пляшущий канкан?
 Девяносто девять плачут,
 Веселится главный шпан.
 А возможно, все иначе?
 Заблуждаюсь я, друзья?
 Веселятся, а не плачут?
 Без веселья жить нельзя.
 Без загула все б обрыдло,
 Без команды:
 «Шире шаг!
 Делай кучно! Браво, быдло!»
 Многоточье ППШа...
 Хлещет вьюга в зад и в перед.

И летят, летят слова:
 Ни во что Москва не верит,
 Здесь, дурни,
 Мы - Москва».
 Все - законно. И не мнится,
 Вьюги шастают, пыля.
 Русь - гигантская темница.
 Как до неба - до Кремля.

* * *

Девочка, девочка
 С личиком матовым,
 С трепетом ангельских крыл...
 Кто утверждал, что ты кем-то обманута?
 Это не Бог говорил!
 Да! И любимая может быть пленною.
 Многих сводили с ума
 Чары твои. Но была ты -
 Вселенною,
 Если любила сама.

* * *

Белые сугробы.
 Стылая лоза.
 Тишина у гроба.
 Светлые глаза.
 - Кто усопший, люди?
 - Полно, не греси...
 На шербатом блюде
 Медные гроши.

ПЕРЕСТРОЙКИ, ВСТРЯСКИ, ПЕРЕГРУЗКИ...

Рано в жизни начал говорить я.
 С той и до сегодняшней поры
 Сладостные-праведно открытья
 Горькие приносят мне дары.
 Веерностью искр не от кресала
 Боль прокатывалась по глазам:
 И сбивала, и на дно бросала,
 В грязь и в кровь,
 И под ноги тузам.
 Трудно верится в свободы диво!
 Попусту не расплескать бы прыть.
 Смерть страшна,
 Но жизнь непобедима!
 Будем жить, чтоб правду говорить:
 Перестройки, встряски, перегрузки...

Глупо утверждать, что мы близки -
 Потому что
 Праведникам русским
 Принародно
 Рвали
 Языки.

АВАНГАРД БЕСПРИЗОРНЫХ НОЧЕЙ

В незабвенное вьется дорожка.
 Вот по чистому небу - дымок...
 Где-то там
 Прозябала сторожка,
 Ледяных моих лет теремок.
 Что ж, по белому снегу отпетому
 Пролистаю я жизнь наизусть:
 Почему так тянусь
 К безответному,
 К неприметному больше тянусь?
 Я люблю социально печальных,
 Гнусной жизнью гонимых на риск.
 Сколько вы о любви прокричали
 В известковый карьерный Норильск!
 Авангард - он всегда по околицам.
 Вот и мне на пути на таком
 Улыбнулась судьба,
 Словно школьница,
 Неосознанных чувств светлячком.

ПОВОРОТ

Поворот -
 И кончится дорога.
 Боль и радость.
 Дум невповорот.
 Сколько раз
 От этого порога
 Довелось мне
 Делать поворот?
 Шелест слов,
 Расплывчатые взгляды.
 Тишь да гладь:
 Ни радости, ни мук.
 Ничего мне больше здесь не надо,
 Да и я не нужен никому.
 Уж такая ль редкость -
 Эти лица?
 Мне ль не знать

О тайне этих глаз?
 Помоги мне, боль, остановиться,
 Не предать себя
 В который раз.

ПОД ПЕРВЫЙ ВЫСТРЕЛ

1. ЧУЖОЙ ХЛЕБ

Туман тяжелый пал.
 Край чуткий мой,
 Как тяжко груз чужбины
 Проносил я.
 Зови, земля родимая,
 Домой
 Сынов своих
 И дочерей, Россия.
 Нам всем
 Благословенный твой огонь
 По смертный час -
 Надежда и утрата.
 Я сам стоял
 У берега твоего -
 Откуда многим
 Не было возврата.
 Ты все поймешь,
 Что не понять иным:
 Как горек хлеб чужой,
 Как боль безбрежна.
 Ведь только с чувством
 Скорби и вины
 Так любит сердце
 Искренне и нежно.
 Зажмуришься,
 И вдруг к материку
 Забьет душа крылами,
 Быстро-быстро,
 Осознанно!
 Чтоб на родном току,
 Но на род-ном!
 Попасть под первый выстрел...

2. ДОМОЙ

Домой. Домой...
 Там детский голос мой.
 Ужель чужбины груз не износил я?
 Весной обманутых,
 Отторгнутых зимой
 Скликай сынов своих

И дочерей, Россия.
Перед концом
Взглянуть в родной огонь,
От искры жизни
Позабыв утраты.
И я стоял у берега того,
Откуда многим
Нет теперь возврата.
Пусть тайной остается для иных:
Как горек хлеб чужой,
Как боль безбрежна!
Как чувство скорби
И печать вины
Вдали от колыбельной стороны
Жгут,
Жгут любовью не забытой,
Прежней.
Другим я стал.
Другим - но не иным,
Как лес в октябрь,
Я стал от долгих странствий.
В глаза взгляни -
Мы все тебе верны:
Пусть этот - колос,
Тот - трава в степи...
В духовном тоже страшно в эмигранстве.
Без исповеди нашей
Жизнь - тупик.
И об одном прошу:
Не делай вида,
Что поняла до глубины души:
Где в сердце - нежность,
Где - полынь обиды.
Оно одно, одно в любви и в муке.
В мольбе
К тебе протянутые руки,
Сплеча
Рубить законно
Не спеши...
Едва лишь воды вешние стекут,
Забьет крылами нежность
Быстро, быстро,
О боже мой,
Пускай под первый выстрел,
Но на родимом,
На родном току...

МУЛЬТФИЛЬМ

Я давно окликаю разлуку
По имени-отчеству.
В скукоте обложной,
Как в дому:
Ни тепла, ни огня.
Излечите друзей
От безверия, от одиночества,
А потом в медфургоне
Везите меня от меня
В ту страну,
Где под черной поземкой -
Судьбы моей речка.
А за речкой - гора.
И тюрьма на горе -
В пол-лица.
Ночью в камере женской
Повесилась девочка-зечка,
Проститутка, воровка,
Мать - барыга,
Отец - полицей...
И на станции дальней
Оставьте -
Где травы по пояс,
Васильки, пахнет медом,
Где верю другим и себе,
Где летит под откос
Моей жизни пылающий скорый,
Частокол земляной
Поднимает фугас
До небес.
А потом босяком
По бескрайним зеленым просторам
Не вперед, а назад
Побежать без оглядки, домой:
Чтобы все, как в мультфильме:
Бомбовозы - на запад,
А скорый,
Не горящий на рельсах,
Задним ходом -
За тридцать седьмой.
В этом праздничном мире
Успел за глаза наглядеться:
И на цвет, и на вкус изучил,
Где - полынь, где - пливун.
Занеси меня,

Мама,
 За травы беспамятства-детства.
 Я на лилии желтой
 По Ворскле
 Один уплыву...

* * *

Теперь уже немного
 Осталось мне пройти:
 Кончается дорога -
 Тугой клубок пути.
 Клубок противоречий,
 Обманов и потерь,
 Где под чужие речи
 Шагал я в слепоте
 Между болот, сугорий,
 Как «враг» и «сын врага»,
 И радовался горю,
 И радость отвергал,
 Чтоб жить с народом вместе.
 И вот пришел сюда.
 Отпев блатные песни
 В этапных поездах.
 Здоровенькие избы.
 Больные города.
 Людского эгоизма
 Свинцовая вода.
 Мне видеть здесь не странно -
 Встречались там, где был:
 Послушные тираны,
 Почтенные рабы.
 И снится, снится, снится
 Напутствие из слов -
 Таежные зарницы
 Винтовочных стволов.
 Ах, воды, броды, годы,
 Безликие года.
 От сталинской погоды
 Продрог я навсегда.
 Ура! Теперь не много
 Осталось мне пройти:
 До счастья - что до Бога.
 До смерти - миг пути?

«РЕМЕСЛО»

Из той, недавней стороны,
 Где память сводит счеты с болью,
 Мне крики воронов слышны
 По черноснежью, белополью.
 Дремучесть тишины вокруг.
 За кругом, за колючкой ржавой -
 Ряды в проклятье сжатых рук,
 Как мертвый лес после пожара.
 Я понимаю, в чем тут суть:
 Вот некто бьет стальною битой -
 Сшибить, срубить бы в том лесу,
 Что прежде подчисто не сбито!
 Лишь приглушалось песьим лаем
 Да вьюгами, что вкось несло...
 Видать, тот мастер не желает
 Терять былое ремесло.

О КУЛЬТУРЕ

В Божьем храме - тюрьма.
 Тусклый карцерный свет.
 Стойкий запах дерьма.
 Ужас - в семьдесят лет
 Правовой немоты.
 С малых лет: «Будь готов!»
 И готовы -
 Скоты растлевают скотов.
 Погляди в тупость ставен,
 Оброни в землю взгляд...
 Ты случайно оставлен,
 По ошибке не взят
 За зловредное чтиво,
 За пучок ячменя -
 По уставу актива:
 «Лучше я, чем меня».
 В церкви карцерный свет.
 В храме Господа - мат.
 И назад - каземат.
 И вперед - каземат.
 А министр произносит чеканную речь:
 «Нам культуру, товарищи,
 Надо сберечь!»
 Век мой - крест мой и плаха.
 Прах и пепел - года.
 От животного страха

Не уйти никуда.
 И в Афгане - Афган,
 И в Отчизне - Афган,
 Как в затылок народа
 Идеинный наган.

«КЛАССОВЫЙ РАЗУМ»

Избы старые. Древние тучи.
 Транс плакатный. Словес бигуди.
 Компанейщина -
 Наледью жгучей.
 Жестко лают зрочки:
 «Пр-ро-хо-ди!»
 Веси. Грады. Ограды. Преграды.
 Соучастники гипершарады:
 Члены, гомики, зеки -
 Род пьянки.
 Телевыставки сук, лесбиянки,
 Трухачи, ловкачи - монолит.
 Так нам «классовый разум» велит.

КРОНЫ И КОРНИ

Забвеньё - старикам.
 Сынам - бои.
 Закрывает ты, земля,
 От скорби очи.
 В одеждах белых
 Дочери твои
 В незримые костры уходят молча.
 По сторонам прах конников и псов,
 Галдеж себя жиращего сброда.
 В визгне мутантных
 Диких голосов
 Мне слышен зов
 Последнего исхода:
 «Стой...
 Че-ло-век...»
 Застыл я, не дыша.
 Ржавь проволоки,
 Пихты да березы.
 Я камень сдвинул,
 А под ним - душа.
 Прильнул к травинкам -
 Зазвенели слезы.

ЛУНАТИКИ ПУСТЫНИ И ВЕСНЫ

Все снятся мне
О далях светлых сны -
Лунатику
Пустыни и весны...
Трагизм прозренья:
От земли и вод
Я постигаю смысла вечный ход -
Свою судьбу,
Полынь ее и сладость,
И жизни скоротечность сознаю.
И сила моя в том,
Что вижу слабость,
Общественную лепту и свою.
Век гильотинный,
Липкий,
Век железный.
И я прошу
У пропастной межи:
Останови нас,
Господи,
Пред бездной -
До жатвы
До кровавой
Удержи.

О г л а в л е н и е

Вступление: «Очеловечь немую толщу стен...»	3
Возвращение	4
По джунглям железного века	4
Тебе, Отчизна	5
«Любовь моя, навеки неоплатная...»	6
В поле надежд и раскаяний	6
Сочиненная жизнь	7
Моя родня	7
«Мне лишь зрочки ожег салют Победы...»	8
«Отечество, история моя...»	8
Подорожная свободы	9
Диалог немых	10
«Для них, не знаемых, для них...»	10
Миражи	10
«Воспевают былое деревень и вечорок...»	11
Два обессиленных крыла	12
Эрозия эпохи	13
Табу	13
Глухари	13
«Нищенски. Шарадно. Кособоко...»	14
«Очеловечь немую толщу стен...»	14
Третий	15
Молчанием убит	15
Не узнанные	16
Поле полыни	16
«Приглядимся к сегодня...»	17
Моя свобода	18
Игра в безлюдный зал	18
«Бурлит городское болото...»	18
Белый ягель	19
В краю неуправляемых прелюдий	20
«Декабрьски. Полустыло. Полутало...»	20
«Все нищ и голоден...»	21
Федерации грим	21
«Гасит свет трудовая округа...»	22

Сходка	23
«Как до неба - до Кремля...»	24
«Девочка, девочка с личиком матовым...»	25
«Белые сугробы. Стылая лоза...»	25
Перестройки, встряски, перегрузки	25
Авангард беспризорных ночей	26
Поворот	26
Под первый выстрел	
1. Чужой хлеб	27
2. Домой	27
Мультфильм	29
«Теперь уже немного осталось мне пройти...»	30
«Ремесло»	31
О культуре	31
«Классовый разум»	32
Кроны и корни	32
Лунатики пустыни и весны	33